

— **25 апреля** мы с Митей и Мариком на футболе "Балтика" - "Динамо" (Брест) 2:0. До Чернобыльской катастрофы остаётся несколько часов.

26 апреля. Пятница. Авария на Чернобыльской АЭС. Но об этом даже жители Припяти и Чернобыля не все знают, во всяком случае - *что это за авария...*

— **27 апреля.** Суббота. День ясный, солнечный, ветер юго-восточный, потому и погода хорошая. Этот ветер зимой и осенью несёт к нам в Калининградскую область холод, а летом и весной - тепло, ясную погоду. Сейчас он прямиком несёт к нам рассеянный и невидимый радиоактивный выброс из развороченного реактора 4-го блока Чернобыльской АЭС. Но мы этого не знаем. Мы с Сашулей и Митей едем на Корневку и собираем там черемшу.

— Вечером в программе "Время" объявляют, что на Чернобыльской АЭС произошла авария, в результате которой погибли два человека. И всё. Тон диктора бесстрастный, подробностей никаких. Соответственно, и реакция телезрителей достаточно равнодушная. Ну, авария. Мало ли их у нас, аварий-то. И больше гибнет.

— **28 апреля.** Воскресенье. Погода без изменений. Мы с Митей на футболе "Балтика" - "Химик" (Гродно) 0:1. Притула не забил пенальти на последней минуте матча.

— Вечером приходил Серёжа и сообщил секретные (!) сведения - у нас сильно повышена радиоактивность, в сотни раз вроде бы, ему сказал Филановский и просил не указывать источник информации.

1 мая. Ездили с Саенко, Кореньковыми, Якимовой, Васильевой на заставу. Набрали тёмных сморчков в своей яме. Митя нашёл один крупный строчок. Потом загорали. Делились слухами.

Говорят, что поляки объявили по радио и телевидению о повышенной радиоактивности у них. Рекомендуют принимать йодистые препараты, не употреблять молоко - особенно детям, воздерживаться от длительного нахождения на открытом воздухе.

А мы тут загораем себе, грибы собираем радиоактивные.

- А чего уж теперь беречься-то? Сейчас уровень понижается, максимум три дня назад был. Что могли - уже схватили. Сколько там у радиоактивного йода период полураспада? Да и сообщили бы наши, если бы опасно было.

Не верилось, что могут и не сообщить ведь.

21 июля 1987 г., там же

2-го и 3-го мая я пытался рыбачить. 2-го ездил на Дейму за Саранск, где мы с Митей чинили цепь. Поймал одного окуня граммов на триста днём, когда спал, то есть окунь сам поймался, а поклёвок я так и не видел. С утра же умельцы ловили лещей.

3-го ездил в Полесск. Дорога на Головкино закрыта, плотва по каналу уже прошла, на Дейме народищу много, но клёва нет. Видел только одного пойманного при мне леща. Короче, опять я прозевал и ход плотвы, и ход леща.

— **6 мая** сообщили, наконец, по Калининградскому ТВ (в ответ на многочисленные вопросы трудящихся! - совсем по Жванецкому: не мы от прессы узнаём новости, а она от нас), что 28 апреля уровень радиоактивности в области был повышен, цифры не называли. Маринка Саенко говорит, что им, врачам, сообщали такие цифры: 28-го было 480 микрорентген в час, сегодня (6-го) - 85, при фоне - 15. Объявили, что непосредственной опасности это повышение не вызывает, но рекомендовали не давать детям молоко!

— Сашуля негодовала:

___ - Рекомендуют не давать молоко детям через восемь (!) дней после того, как уровень радиации повысился! Да что же это такое?

___ В те дни как раз Митя кашлял, и Сашуля отпаивала его горячим молоком, и Мише, конечно, всё на молоке готовили.

___ Мы не знали тогда и предположить не могли, что случившееся пытались скрыть даже в Припяти - городе энергетиков Чернобыльской АЭС. Через год в "Юности" (№6 за 1987 г.) Юрий Щербак в документальной повести "Чернобыль" писал:

___ "После опубликования одной из моих "чернобыльских" статей в "Литературной газете" редакция переслала мне письмо. Вот оно:

___ "Пишут Вам рабочие г. Припяти (сейчас живём в Киеве). Письмо это - не жалоба, а отдельные факты, из которых просим сделать выводы. Приведём примеры преступной безответственности должностных лиц г. Припяти и Киева. В первую очередь безответственность была проявлена по отношению ко всем детям (в тридцатикилометровой зоне), когда целые сутки до эвакуации ничего не объявляли, не запрещали детям бегать и играть на улице. Мы, зная уровень радиации по долгу своей работы, позвонили в штаб гражданской обороны города и спросили: "Почему нет указаний о поведении детей на улице, о необходимости пребывания их в помещении и т.д.?"

___ Нам ответили: "Это не ваше дело... Решения будет принимать Москва..." И только потом (7 мая 1986 г.) все узнали, что решение вывезти, отправить в Крым детей (своих внуков и их бабушек) Высокое Руководство приняло немедленно, и "избранные" дети были отправлены в крымские санатории 1 мая.

___ Другой пример безответственности, когда в трудный момент надо было срочно использовать необходимое имущество, приборы по контролю. Необходимое имущество оказалось непригодно к использованию. Как это расценить? Почему руководители, занимая большие должности и несколько лет подряд получая зарплату (незаработанную), не знали истинного положения дел - с тем же имуществом ГО, с другими безобразиями?

___ Просим проверить Госкомиссией всё и принять необходимые меры, особенно по тем большим вопросам, где вина в непорядочности и в должностной непригодности "больших руководителей"..."

___ Я не беру на себя роль судьи или обвинителя - теперь, через много месяцев после аварии легко махать кулаками. Не хочу вставать в позу всеведущего прокурора. Но хочется всё-таки понять - что произошло?

___ Многие припятчане... никогда не забудут совещание, проведённое утром 26 апреля в Припяти вторым секретарём Киевского обкома партии В. Маломужем, который дал указание делать всё для того, чтобы продолжалась обычная жизнь города, словно ничего не произошло: школьники должны учиться, магазины работать, молодёжные свадьбы, намеченные на вечер, должны состояться. На все недоуменные вопросы был дан ответ: так надо.

___ Кому - "надо"? Во имя чего - "надо"? Давайте спокойно обсудим. От кого надо было скрывать несчастье? Какими правовыми или этическими соображениями руководствовались те, кто принимал это более чем сомнительное решение? Знали ли они подлинные размеры катастрофы? Если знали, то как могли отдавать подобное распоряжение? А если не знали - то почему поспешили взять на себя такую ответственность? Неужели утром двадцать шестого апреля ещё неизвестны были уровни радиации, резко возрастающие в результате выброса топлива из АЭС? Я вспоминаю, как в одной из киевских больниц в майские дни довелось увидеть женщину, жительницу Припяти, которая в роковую субботу, как и тысячи других горожан, работала на приусадебном участке вблизи "Рыжего леса" - о нём я уже рассказывал. У неё были диагностированы лучевые ожоги на ногах. Кто объяснит ей, во имя чего перенесла она эти страдания?

— А школьники, которые ничего не ведая, резвились в субботу на переменах? Неужели нельзя было упрятать их, запретить находиться на улице? Разве кто-нибудь осудил бы руководителей за такую перестраховку, даже если бы она была излишней? Но эти меры не были излишни, они были крайне необходимы. По иронии судьбы за три дня до аварии в школах Припяти проводились учения по гражданской обороне. Детей учили, как надо пользоваться средствами индивидуальной защиты - ватно-марлевыми масками, противогазами, проводить дезактивацию. В день аварии никакие - даже самые простейшие - меры не были приняты.

— Из-за обстановки секретности, воцарившейся в Припяти сразу после аварии, дело дошло до того, что даже ответственные работники горисполкома и горкома комсомола не знали истинных уровней радиации в течение двух суток. Довольствовались слухами, ползшими по городу, неясными намёками знакомых, многозначительными взглядами дозиметристов... А ведь активу города пришлось вести работу в тех местах, где уровень радиации был уже недопустимо высок. Удивительно ли, что в такой обстановке полной "заглушки" информации ряд людей, поддавшись слухам, бросился уходить по той дороге, что вела через "Рыжий лес". Свидетели рассказывают, как по этой дороге, уже "светившей" в полную силу радиации, шли женщины с детскими колясками ...

— Может, учитывая необычность и неожиданность ситуации, иначе нельзя было поступить? Нет. Специалисты говорят, что можно и надо было поступить иначе: стоило только объявить в городе по местному радио о возможной опасности, мобилизовать актив города на проведение ограничительных мероприятий, не выпускать на улицы тех, кто не был занят на работах по ликвидации аварии, закрыть окна, назначить немедленную йодную профилактику населению. Почему же это не было сделано?

— Видимо, потому что доктрина всеобщего благополучия и обязательных и всенепременных побед, радостей и успехов, въевшаяся в последние десятилетия в плоть и кровь ряда руководителей, сыграла здесь роковую роль, приглушила у них и голос совести, и веление профессионального, партийного и гражданского долга: спасти людей, делать всё, что в человеческих силах, чтобы предотвратить беду.

— Неприглядна в этой ситуации роль бывшего директора АЭС Брюханова (и тут Брюханов?), который прежде других и лучше других понимал, ЧТО в действительности произошло на станции и вокруг неё. Степень его вины устанавливают органы правосудия. Но нельзя на одного Брюханова сваливать грехи других должностных лиц. Есть ведь и правосудие моральное: как могло случиться, что припятские врачи, руководители медсанчасти В. Леоненко и В. Печерица, одними из первых узнавшие о крайне неблагоприятной радиационной ситуации (ведь к утру в больницу поступили уже десятки людей с тяжёлой формой лучевой болезни), не начали бить во все колокола, кричать с трибуны совещания утром в субботу о надвигающейся беде? Неужели ложно поняты соображения субординации, безоговорочного и бездумного выполнения "указаний свыше", следование несовершенным и жалким служебным инструкциям заглушили в их душах верность клятве Гиппократова - клятве, которая для врача является высшим моральным законом? Впрочем, сказанное относится не только к этим, в общем-то, рядовым врачам, а и ко многим медикам повыше - упомянем хотя бы бывшего заместителя министра здравоохранения СССР Е. Воробьёва.

— Как бы то ни было, но сегодня ясно, что механизм принятия ответственных решений, связанных с защитой здоровья людей, не выдержал серьёзной проверки. Он громоздок, многоступенчат, излишне централизован, медлителен, бюрократичен и неэффективен при стремительно развивающихся событиях. Бесчисленные согласования и увязки привели к тому, что почти сутки понадобились, чтобы принять само собой разумеющееся решение об эвакуации Припяти. Эвакуация Чернобыля и сёл района была оттянута на ещё более долгий срок - восемь дней. До второго мая ни один из самых высоких руководителей республики не побывал на месте аварии.

— Почему же люди, облечённые большой властью, большими привилегиями, но ещё

большой моральной ответственностью, привыкшие в дни торжеств и юбилеев быть на виду, - почему же они не разделили со своим народом его несчастье, почему такими непреодолимыми оказались для них те немногие километры, что отделяют Киев от Чернобыля? Откуда такая нравственная чёрствость по отношению к своим землякам?"

— Прошу прощения за цитирование этих наивных риторических вопросов Ю. Щербака, - они соответствуют сегодняшнему (1987 г.) уровню гласности. А наша центральная пресса и телевидение в те майские дни восемьдесят шестого года негодовала отнюдь не по поводу виновников аварии или тех, кто скрывал её размеры и преуменьшал опасность.

— Достойных гневного осуждения нашли там, где и привыкли их искать - на Западе, средства массовой информации которого "раздули провокационную шумиху вокруг Чернобыля", "распространяют клеветнические слухи о количестве пострадавших" и т.д., и т.п. Сам Михаил Сергеевич, выступая по телевидению, принял участие в этой кампании.

— Вот тебе и гласность!

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)